

Спасительная чертовщина

К выходу полного собрания сочинений Венедикта Ерофеева

«Я лгу перед лицом Твоим...»

Венедикт Ерофеев. Москва – Петушки

Свершилось. Ерофеев выпущен академическим томом. Почти академическим. Обложка из «телячьей кожи». Супер. Роскошная бумага. Полное собрание произведений. Вернее, как скромно уточняет издательство «Х.Г.С.», – «наиболее полное» на сегодняшний день. Всемирно знаменитая поэма в прозе «Москва – Петушки». Плюс все, добытое из черновиков и отвалов. Драмы, записные книжки... Биография, некролог. Философская статья Михаила Эпштейна «После карнавала, или Вечный Веничка». Остается прибавить в качестве комментария хотя бы те материалы, что обнаружил в специализированном «ерофеевском» номере журнал «Театр», и будет полная Academia.

В этом есть что-то провиденциальное: не-весомый бомж, четверть века назад тенью просквозивший обок привычной словесности, винным облачком прорезавший сквозь нее, заблеванной ангелом пролетевший мимо устоявшейся литературы – и такое непостижимое вознесение. Какие были у него перспективы в 1969 году, когда сочинил свое безумное путешествие «на кабельных работах в Шереметьеве»? Или в 1970-м, когда пошло оно по рукам? В «легальной словесности» – никаких: полная безнадега. Водка, матюги, бред, глум, абракадабра. Но и в самиздатовской сфере шансы были призрачны: самиздатовская публика, отогнанная от левых журналов, углубилась тогда в философию: в Бердяева, Федотова, Ильина, а тут какой-то юродивый, в чем мать родила, зовет, чтобы во-локлись за ним, и куда? Не в Веймар, не в Сорбонну, не в Цюрих, а в какие-то застеганные Петушки.

Какая сила таилась в беззащитном забулдыге, которого все пинали и который сидел на ступеньках кабака, прижимая к сердцу чемоданчик? Почему он оказался взыскан? И как к этому факту должны отнестись прочие обитатели кабака?

А это описано. Вот как: «Получается – мы мелкие козявки и подлещи, а ты Каин и Манфред...»

Это ему свойски ребята говорят, из общаги. Не обольщайтесь «Манфредом» и тем более «Каином»: в этом сюжете все надо воспринимать в некотором роде от противного. Мы говорим: «Каин», а подразумеваем: «Авель». А поскольку такое даже и подразумевать опасно, не то что говорить, то Веничка и открещивается мгновенно:

«– Позвольте! Я этого не утверждал!»
«– Нет, утверждал, – говорят ребята. – Как ты поселился к нам, – ты каждый день это утверждаешь. Не словом, но делом. Даже не делом, а отсутствием этого дела. Ты НЕГАТИВНО это утверждаешь».

Так. Тут нам прямая подсказка. Рецепт «проявителя». С помощью которого мы и попробуем из «негатива» вернуться в позитив.

Позитив – это путешествие к святыне. Паломничество в прямом, точном, старинном смысле слова. Путь к Деве. Богородица живет в Петушках. Ее образ ослепителен...

Теперь – главный компонент в «рецепте»: черное означает белое, а белое – черное. Это – общий прием, а тоньше: цвет – сохраняется, но переводится из светящейся гаммы в тупую. У Богородицы «глаза белого цвета». Или так: «белый, переходящий в белесый». А уж когда этот фильтр сработал, можно и так: «рыжая стервоза». Или «рыжая сука». На всякий слу-

чай Веничка прибавляет: «гармоническая». Чтобы мы не забыли, что это – Мадонна, хотя и опрокинутая в «негатив». Главное, не обронить фильтра. То есть помнить, что рай замаскирован под ад, и всякое доброе побуждение предстает как скотство.

Да как же иначе-то? Разве ж ребята стерпят такого праведника в своих рядах? Они его уже предупредили: ты что нашим дерьмом брезгуешь? Мы – «можем», а ты – «не можешь»? Выходит, ты лучше нас? «Мы грязные животные, а ты – как лилея!»

– Нет, я такой же, как вы! – с кротостью возглашает праведник и в доказательство достает из чемоданчика бутылку. А про себя воем воет: Господи, Ты видишь, где я и что я! Разве мне ЭТО нужно? Разве по ЭТОМУ тоскует моя душа? Вот что дали мне ЛЮДИ взамен того, по чему тоскует моя душа! А если б они мне дали ТО, разве я нуждался бы в ЭТОМ?

«Смотри, Господь, вот: розовое крепкое за рупь тридцать семь...»

О, интуиция святого: как виртуозно напоминает он нам приметы райской веры (розовая... крепкая...), перед тем как булькнуть ее в стеклотару.

Итак, ситуация: праведник среди дикарей. Миссионер среди варваров. Святой среди богохульников. Как пройти по ниточке, не сорвавшись в адскую бездну? Как выдержать роль, называя Мадонну сукой и рай – адом? Как солгать Господу, но чтобы Он понял, ПОЧЕМУ Ему лгут?

И как заставить читателя поверить, что все это не лукавый камуфляж, прикрывающий скуку нравственной проповеди, а реальное состояние души и мира?

Венедикт Ерофеев находит чудодейственный путь: он погружает действие в спиртовую среду.

Не то чтобы до него в мировой литературе такого не было. И пьяные матюги Венички – не такая уж невидаль. И ругались, и блевали, и бредили. Рабле записывал бред страницами и пересчитывал вино бочками. От праотца Ноя – мировая литература настояща на вине. Еще как пили.

Да. Но нигде так не хвастались питием, претендуя именно им восполнить тоскующий дух, как на Руси.

Так что Веничка знает, что делает, когда уточняет рецепт с дотошностью аптекаря. Лекарство называется «Сучий потрох». Пиво «Жигулевское» – 100 г, шампунь «Садко – богатый гость» – 30 г, резоль для очистки волос от перхоти – 70 г, клей БФ – 12 г и т.д. Когда-то при первом чтении (в начале 70-х годов, в самиздате) мне этого было достаточно, и я испытал неодолимое желание отложить повесть. Еще не хватало: вместо Шестова и Розанова – такой делириум. Это была ошибка – моя, читательская. Воспринять «Москву – Петушки» как рассказ о пьянице – значит упустить, потерять все в этом тексте. Между тем элементарное филологическое чутье должно было сразу бить тревогу: в тексте много подробное, пунктуальное, аптекарски-самозабвенное расписывание вин и водок. Это же первый признак «высокой лжи», то есть художественного формализма, прикрывающего «уязвимое место».

Маскируется, подпирается, подкрепляется самое хрупкое, самое сокровенное и немис-

Венедикт Ерофеев.

лимое в душевном движении Венички Ерофеева: чтобы спасти добро, он называет его злом. В перевернутом мире он становится с ног на голову и в этом положении продолжает... нравственную проповедь. Взывая к ангелам. Взывая к Господу: Ты видишь, я лгу перед лицом Твоим, но это лгу не я...

...А кто?

А тело, погруженное в спирт. Только дикой алкогольной блокадой возможно психологически удержать перевернутую конструкцию. Этот-то пункт: стенограф душевной агонии, и надо было укрепить изначально. Возвестить все – от имени пьяницы. Или, как в своей академичной статье корректно уточняет Мих. Эпштейн, от имени человека, который все время опохмеляется.

И что же? Способ спиритуализации, примененный Ерофеевым для подпора вывернутой проповеди, изумительно совпал с русским «национальным орнаментом»: традиционное веселье Руси обеспечило ангелам чертовскую убедительность.

В принципе подобный прием (впрочем, без коктейля «Сучий потрох») можно найти у того же Клайва Стиплза Льюиса, который, опасаясь пресности назидания, тоже перевел свою душеспасительную проповедь в «негатив» и призвал возлюбленных чад делать гадости и глупости – он сделал это от имени некоего подлого Баламута, полагая (и не без оснований), что у читателя сработает обратная логика. Мне даже казалось, что Ерофеев вдохновлялся примером Льюиса («Письма Баламута», переве-

денные Натальей Трауберг, ходили в самиздате в ту же самую пору, что и «Москва – Петушки»). Но вот теперь я прочел в одном из ранних ерофеевских набросков «Благовествование» (1962 год), где варьируется ницшеанский припев: «Так говорил Сатана», и автор «уносится на крыльях блеющего смеха», – теперь я вижу, что все это было до Льюиса, что бесовский маскарад заложен в писательском сознании Ерофеева изначально, и формулируется задача так: «в самом сосредоточении хамства и дарвинизма» – «расслабить души разумных продуманной чертовщиной».

Мир, продуманный под таким углом зрения, превращается как бы в базар «краденого»: аллюзии, штампы, расхожие цитаты и захватанные банальности насажены на ядовитое жало. Идет переворачивание всего школьно-университетского багажа, перепахивание интеллектуального поля мыслящей публики рубежа 70-х годов. Пушкин – Евтюшкин... Если курят, то тринадцать трубок, если позвонят, то четвертый, если что-нибудь отблескивает, то у борозды на клине. Иногда текст превращается в сплошной монтаж цитат, или, как любят говорить нынешние академики, в «центон»: «Хочешь ты, например, остановиться в Эболи, – пожалуйста, останавливайся в Эболи. Хочешь идти в Каноссу – никто тебе не мешает, иди в Каноссу. Хочешь перейти Рубикон – переходи». Раздолье будущим источниковедом-диссертантам, а также теоретикам постмодернизма. Вряд ли Ерофеев конструировал свою прозу по соответствующим рецептам – их стали выписывать позднее, Ерофеев же – что называется, слепой гений, стенограф душевной агонии, чуткий интуитивист, почти наугад попавший в солнечное сплетение эпохи.

Солнце ли тут погашено тьмой, тень ли сожжена солнцем, однозначно не определишь, как и во всяком интуитивно-бездонном тексте (амбивалентном, сказали бы академики). То есть, с одной стороны, праведная душа погружается в беспросветную грязь, но, с другой стороны, даже в грязи, в родном беспросвете – сохраняет же душа праведность! Только прикидывается Веничка забулдыгой. И почти не выдает себя. Разве что растерянным молчанием на вопрос: если все, чем мы живем, тебе посторонне, если все это для тебя вздор, то что же тогда НЕ вздор?

«О, не знаю, не знаю. Не есть».

ЧТО есть – ни им, ни себе, ни даже самому Господу не скажет. Почему? Да от страха. Не за плоть страшно – плоть-то все равно уничтожат: догонят, затопчут. За душу страшно.

В самом деле: другие-то что, хуже тебя? Другие-то ведь тоже едут и не спрашивают, почему так долго и почему так темно. Тихонько едут и в окошко смотрят... Почему ты должен ехать быстрее, чем они?

Что может быть ответом на этот резоннейший вопрос, обращенный к нашему праведнику?

Ответ один: тихонько ехать, как все, называя белый свет за окошком темной ночью.

Или так: задернуть занавески и пошутить в кухонно-интеллигентском духе:

– Будем считать, что мы едем.

Или, наконец, хватить «Сучьего потроха». И слиться с родимой реальностью. И поставить ей нетленный словесный памятник. Чтобы будущее человечество могло расшифровать пьяный бред «ребят» (академики сказали бы: язычников), у которых душа горит от желания любить, но никак не различит – кого.

Этот-то памятник и поставил нам всем Веничка и с тем вошел в мировую культуру, заняв там почетное место между святым Франциском, легшим в грязь к свиньям, и героями Рабле, блевавшими в Мировой океан.

Лев АННИНСКИЙ